

Колхозно-совхозная правда

Биробиджанер Штерн

Ирина Манойленко

1951 год. Подготовка семян в колхозе имени Хрущева

Частью истории области были колхозы и совхозы, где трудилось большинство сельских жителей

Спроси сегодня молодого человека, даже живущего в селе, что такое трудовень, и он скорее всего удивленно пожмет плечами. Но если «**трудодень**» – слово из далекого колхозного прошлого, то **бригадный подряд**, **КТУ** (коэффициент трудового участия), **КИТ** (коллектив интенсивного труда) – понятия, родившиеся в более поздние совхозные времена. Но и о них многие уже позабыли. Как стали забывать и названия когда-то самых популярных на селе профессий – **доярок**, **свинарок**, **телятниц**, **скотников**....

Автор этих строк предлагает вам, уважаемые читатели, совершить экскурс в колхозно-совхозное прошлое области, чтобы напомнить, каким непростым оно было.

Под горой колхоз

Лет двадцать назад певица Надежда Кадышева напела полузабытую песню со словами:

На горе совхоз, под горой колхоз,

А мне миленький задавал вопрос.

Задавал вопрос, сам глядел в глаза:

«Ты колхозница, тебя любить нельзя».

Конечно, колхозница дала зазнайке отповедь, заявив, что и сама не хотела бы такого ухажера любить. Но осадок-то остался. И в песне этой – изрядная доля правды, потому что колхозники, особенно в сталинские времена, были в стране людьми второго сорта, как бы ни возносила колхозный строй официальная пропаганда.

Первые коллективные хозяйства – колхозы – появились на территории тогда еще Биробиджанского национального района в 1928 году. И если в переселенческих селах

народ объединялся охотно, никого там не делили на бедняков, середняков и кулаков, то в бывших казачьих станицах и хуторах все было по-другому – и полное нежелание идти в колхоз, и раскулачивание, и репрессии вплоть до расстрелов за подрыв колхозного строя.

Так было и в селе Надеждинском. В жарком августе 1928 года сюда приехали представители районной власти, чтобы провести первое собрание сельской бедноты, пожелавшей вступить в колхоз. И вот какое решение было принято:

«Заслушав информацию о выгоде коллективных форм ведения хозяйства и о задачах партии и Советской власти в деле коллективизации сельского хозяйства, главным образом бедноты и середнячества, считаем нужным организовать артель. Для чего мы, бедняки-крестьяне, в количестве 10 человек, входим в сельхозартель и принимаем устав. Считаем нужным приобрести трактор. Стенную газету будем называть «Путь Ильича», а помещение церкви передаем под клуб-читальню».

На этом же собрании приняли решение раскулачить две семьи, а в их домах разместить школу и сельский Совет. Забегая вперед, скажу, что на этом раскулачивание не закончилось, в течение десяти последующих лет в селе было репрессировано и раскулачено более 120 человек, если считать и детей.

«Культура и труд» – так красиво называли колхоз в селе Надеждинском. Вскоре и трактор обещанный появился – американский «Интернационал». Первого тракториста Никиту Золотарева вскоре избрали председателем колхоза. Но не везло колхозу с председателями – за два года пятерых поменяли. А в 1930 году рядом с селом новый совхоз решили открыть – Амуро-Бирский. И колхозный народ начал туда перетекать. Там и зарплату деньгами давали, и паспорт можно было получить, и квартиры вместо изб предоставляли. И не один, а целых десять тракторов «Фордзон» работало на совхозных полях.

И все же не выдержал совхоз соревнования с колхозом, в 1936 году его ликвидировали, а директора объявили вредителем за массовый падеж скота из-за бескормицы.

Об этом с гневом написал в одном из своих стихотворений, которое он назвал в духе того времени «Я не могу молчать», молодой поэт Эммануил Казакевич.

Как я – поэт – могу молчать,

Витать в облаках, ни на что не гоже?

Только телок не может кричать:

В Бирско-Амурском совхозе падеж.

Если пали корова или бык –

Никто не плачет, щупая пульс.

Но если директор здоров, как бык,

То за быка он и пашет пусть.

А колхоз между тем, пережив немало потерь в годы репрессий, продолжал жить. Выжил и в войну благодаря смекалке его председателя Есмилея Подойницына, который не на директивы оглядывался, а старался делать все людям во благо. Создали рыболовецкую бригаду и делили рыбу по семьям, да еще по разрядке государству сдавали. И овощей выращивали столько, чтобы не только государству сдать, но и своих колхозников обеспечить.

Но в передовиках колхоз не был, числилось в нем всего 75 человек, лишь каждый третий был трудоспособный. Поэтому вскоре после войны он стал частью большого, даже, можно сказать, огромного Надеждинского совхоза, куда также вошли колхозы сел Казанки, Головино, Дубового и Найфельда. Одно время директором этого крупномасштабного хозяйства был легендарный Владимир Пеллер. Но потом совхоз разделили на три части, только почему-то название Надеждинский закрепилось за совхозом, центральная усадьба которого находилась в селе Дубовом, а Головинским назвали совхоз, центр которого располагался в Надеждинском. Найфельдскому совхозу досталось название Петровский, хотя Петровка была лишь совхозным отделением.

Но если совхозам названия чаще всего давали от населенных пунктов – Смидовичский, Волочаевский, Ключевской, Полевской, то колхозы были в основном именными, названными в честь советских вождей и героев, коммунистических лидеров других стран или символов новой власти.

В том же Биробиджанской районе были колхозы имени Карла Либкнехта, Тельмана и Димитрова.

В селе Пронькино колхоз носил имя какого-то Аникеева. Как я ни пыталась узнать, кем был этот Аникеев, никаких сведений о нем не нашла. Не помнили об этом и старожилы села. В Желтом Яре после войны был колхоз имени Хрущева, хотя Никита Сергеевич руководил тогда Украиной. Возможно, сыграло роль то, что в Желтом Яре проживало много украинцев.

Приходилось жить в «Тревоге»

Передо мной – список колхозов Блюхеровского (Ленинского) района за 1936 год. Среди именных – колхозы имени Ленина, «Путь Ленина», имени Ильича, Сталина, Куйбышева, Кирова, Мухина.

Среди революционно-советских – «Декабрист», «Красный Флот», «Заря» и «Молодая Заря», «Красный Восток» и «Красный Маяк», «Яркий Луч»... Кстати, последнее название всплыло в девяностые годы в селе Чурки, где на месте бывшего совхоза создали ООО и дали ей старое колхозное название. Вспыхнуть «Яркий Луч» смог, а вот долго гореть у него не получилось – погас навсегда. А здешние поля успешно обрабатывают китайцы – их сельхозпредприятие называется – вот уж ирония судьбы – «Новый Луч».

Но вернемся в 1936 год. Наособицу в тогдашнем Блюхеровском районе стоял колхоз «Тревога». Находился он в селе Дежнево. Почему колхоз получил тревожное название, непонятно, возможно, из-за своего пограничного расположения, а на границе с японской Маньчжурией до войны было довольно тревожно, беспокойно. Но в годы репрессий колхоз оправдал свое название. Были арестованы колхозный пчеловод Гавриил Былков, два председателя колхоза – Павел Варвенко и Никандр Дружинин, бригадир Александр Воронов, заведующий фермой Иван Воронов, хлебороб Кузьма Воронов, колхозный кассир Михаил Воронов, конюх Александр Горбунов, мельник Андрей Кальянов, бригадир тракторной бригады Дмитрий Кальянов, заведующий фермой Федор Кальянов, три брата Кутенких – Никандр, Прокопий и Степан, кладовщики Степан Лопатин и Владимир Любин, хлеборобы Григорий, Иван, Николай, Сергей и Федор Любины, Егор и Николай Макаровы, заправщик тракторов Афанасий Пермин, счетовод Степан Швалов... Ставлю многоточие, потому что список этот далеко не полный. В те годы в Дежнево находилась Усть-Сунгарийская МТС, под репрессии попали многие ее руководители и трактористы. Такая вот была «Тревога».

Жительница села Валерия Герасимович вспоминала, как в декабре 1937 года был арестован ее отец, бригадир тракторной бригады Александр Иванович Воронов,

обвиненный во вредительстве за то, что якобы в бригаде с опозданием начали ремонт тракторов. Приписали ему, коммунисту, и подрыв основ Советской власти.

– До этого отец всегда был на хорошем счету. Как передового бригадира, его премировали наручными часами, патефоном и велосипедом. Часы и патефон при обыске оставили, а велосипед конфисковали, и на нем потом катались дети председателя сельсовета, – рассказала Валерия Александровна.

Александр Воронов был расстрелян в феврале 1938 года, ему было 27 лет. А его дочь после войны выучилась в сельхозинституте и много лет проработала в родном селе колхозным, а потом и совхозным агрономом. Название совхозу дали по имени села – Дежневский.

Совхозами стали и другие колхозы Ленинского района. Лишь один островок колхозной жизни остался в совхозном море – колхоз «Трудовая нива» в селе Новом. Много лет возглавлял его Герой Социалистического Труда Федор Ватутин. Дожил колхоз вплоть до начала лихих девяностых.

Если еврейские названия переселенческих сел – Бирофельда, Валдгейма и Найфельда – сохранились с самого их основания до наших дней, то колхозы, основанные еврейскими переселенцами, остались лишь в архивных записях и воспоминаниях бывших колхозников.

Некоторые из них получили русские названия благодаря простому переводу с идиша, другие стали называть совершенно по-новому. К примеру, колхоз «Эмес» в Найфельде после войны стал в результате перевода с идиша «Правдой», колхоз «Ройтер Октябрь» в Амурзете – «Красным Октябрем», а вот колхозу «Валдгейм» дать название «Дом в лесу» не рискнули, а переименовали его типично по-советски – «Заветы Ильича».

Зато бывало и так, что еврейские названия получали взамен прежних колхозы, образованные в бывших казачьих станицах.

Эту землю ждет хорошее будущее

Вспомним, кто приезжал в годы великого еврейского переселения «строить страну Биробиджан»? Это были в основном ремесленники, представители рабочих профессий – столяры, сапожники или мелкие торговцы. А у организаторов переселения главной целью было сделать этих людей земледельцами. Вот и отправляли их поближе к земле – в Валдгейм, Бирофельд, Опытное Поле, Амурзет... Особенно рекордным в этом отношении был 1932 год – из прибывших пяти тысяч переселенцев более трех тысяч были направлены поднимать сельское хозяйство в колхозы и совхозы.

Самым первым еврейским колхозом можно считать сельскохозяйственную коммуны «Икор», которая поначалу находилась на Бирском опытном поле.

Она была образована в конце апреля 1928 года и стала называться по аббревиатуре американской организации ИКОР, которая оказывала помощь коммунарам. Ровно через год после организации коммуны в постановлении бюро Далькрайкома ВКП(б) было заявлено, что **«необходимо использовать техническую помощь ИКОРа для индустриализации Биро-Биджана и предложить переселенческому управлению в своих заявках делать запрос на импортное сельскохозяйственное оборудование»**. Не жаловала Советская власть капиталистов, но признавала, что импортные трактора и другая техника более совершенны и надежны. Кстати, и первые отечественные трактора были, можно сказать, клонированы от американских «Фордзонов».

Ну а как среагировала на постановление ИКОР? Организация прислала экспертов, дабы убедиться, есть ли толк заниматься земледелием на территории будущей автономии? В первую очередь исследовали земли, выделенные коммуне «Икор». Заключение экспертов были обнадеживающими: «... **Район вполне пригоден для быстрой, механизированной, новейшей земледельческо-индустриальной колонизации... Еврей-новоселы в своем большинстве освоились на новом месте, и эту землю ждет хорошее будущее**».

Какое будущее было уготовано коммуне «Икор», известно, но ее настоящее в годы становления было, как бы сейчас сказали, весьма успешным советско-американским проектом. Ее технической оснащенности можно было позавидовать – кроме сельскохозяйственной техники, имелась техника для строительства и лесопереработки, была своя электростанция. И это в то время, когда электричества не было на многих улицах Биробиджана.

Еврейскими были также колхозы «Бирофельд» и «Валдгейм», «Ройтер Октябрь» и «Ройтер Штерн», «Ленинфельд» и «Най Лебн». После убийства Кирова колхозу «Бирофельд» присвоили его имя, причем так же назывался и соседний колхоз в селе Алексеевка.

Бирофельдский колхоз к тому времени имел хорошую материальную базу. Было построено 120 квартир для переселенцев, агропункт и ветпункт – для ведения культурного земледелия и животноводства. И школа была с преподаванием на идише, и детский сад, и больница с аптекой. И даже кредитное товарищество имелось. А еще была и телеграфная связь с Биробиджаном.

Похвастать успехами мог и колхоз «Валдгейм», где одним из первых председателей, правда, недолго, был будущий известный советский писатель Эммануил Казакевич. В 1934 году в московском издательстве «Эмес» вышла брошюра под названием «Валдгейм», где расписывали все прелести колхозной жизни: **«В колхозе имеется прекрасно оборудованная столовая, которая снабжает колхозников пищей три раза в день. Колхозницы свободны от ухода за маленькими детьми, от стирки пеленок – имеется хорошо обставленный детский сад. А для политической работы имеется клуб на 300 мест...»**. Ну чем не кибуц в советском варианте?

Столовые, детские ясли и сады – все это делалось еще и для того, чтобы отвлечь женщин от домашних забот и дать им возможность от зари до зари трудиться на колхозных полях и фермах. Отпусков по уходу за детьми до трех лет тогда и близко не было, а декретный послеродовой отпуск составлял всего два месяца. Потом двухмесячного малыша отдавали в колхозные ясли. Ну а там, где яслей не было, женщины часто брали грудничков с собой на работу. Пока мамы кормили и доили коров, детки мирно посапывали на сене в коровьих яслях.

Три красных звезды

В Сталинском, ныне Октябрьском, районе первым еврейским колхозом был «Ройтер Октябрь» (Красный Октябрь). Именно там, отслужив срочную, начинал работать трактористом Владимир Пеллер, а незадолго до войны он стал председателем колхоза.

Кроме «Ройтер Октябрь», в Амурзете находился колхоз «Ленинфельд» – Ленинское поле. Перед войной эти два хозяйства объединили. Имелся переселенческий еврейский колхоз и в селе Пузино, но носил он русское название – «Новая жизнь». В этом колхозе начинал работать трактористом будущий писатель Роман Шойхет, именно в Пузино жили прототипы героев его повести «Родная земля».

Был в районе еще один колхоз с еврейским названием «Ройтер Штерн» (Красная Звезда), а находился он в бывшей казачьей станице Самаре, где поселилось несколько еврейских семей. Село тоже переименовали – оно стало Юнгдорфом, но вскоре старое название вернули. Недолго просуществовал под еврейским названием и колхоз – вспыхнул яркой звездочкой и сгорел.

У «Ройтер Штерн», кстати, было два колхоза-тезки в Смидовичском и Облученском районах. Один из них находился в селе Белгородском, другой – в селе Пашково, бывшей казачьей станице. Оба колхоза тоже были основаны прибывшими в эти села еврейскими переселенцами. Но и у них была короткая жизнь, так как вскоре многие переселенцы-евреи уехали из этих сел.

В годы массовой коллективизации в селе Екатерино-Никольском был открыт техникум социалистического земледелия, где стали готовить специалистов сельского хозяйства. В первых выпусках было большое число молодых людей из еврейских переселенцев. Так реализовывалась идея сделать евреев культурными земледельцами.

Когда в селе Сталинск был организован зерносовхоз, туда перешли работать многие колхозники из ближайших сел. Большинство специалистов и работников совхоза были еврейскими переселенцами, имевшими паспорта. В совхозе в отличие от колхозов, работали не за символические трудовни, а за реальную денежную зарплату, имели гарантированные оплачиваемые отпуска и пенсии после ухода на заслуженный отдых. Колхозники получили такие права только в конце пятидесятых годов. Помню, как радовалась моя бабушка, когда получила первые пенсионные деньги – целых восемь рублей. В конце своей жизни она получала уже двадцать рублей.

Колхоз и школа при нем

В Облученском районе самым еврейским был поселок Биракан. Основное население поселка работало в промышленных артелях, но имелся там и колхоз под названием «Най Лебн» (Новая жизнь). Первым председателем колхоза был переселенец из Румынии Самуил Альпер, который не знал русского языка и говорил только на идише. По его инициативе при колхозе открыли еврейскую школу, которая просуществовала до конца сороковых годов. Пахотной земли в окрестностях поселка не было, колхозники отвоевывали ее у тайги. И уже вскоре были получены первые урожаи зерновых, овощей, картофеля. На трудодень колхозники получали почти четыре килограмма зерна и больше трех рублей деньгами – это был один из самых высоких показателей в Облученском районе.

В 1937 году первого председателя арестовали по пресловутой 58 статье и осудили на 5 лет лагерей. В Биракан Самуил Альпер не вернулся.

Последним председателем колхоза был Шевель Писецкий, переселенец из Белоруссии, фронтовик. Колхозные ветераны до сих пор вспоминают его добрым словом. В шестидесятые годы «Най Лебн» стал отделением Известкового совхоза и считался самым передовым. Улицу Колхозную переименовали, но до сих пор там живут дети и внуки Шевеля Писецкого и потомки других колхозников.

Вот так переселенцы строили новую жизнь и отстаивали свое право свободно жить и работать на дальневосточной земле, которой американские эксперты посулили хорошее будущее.

Не всем удалось дожить до этого светлого будущего. Расстреляли «за вредительство» председателя колхоза «Урминец» Смидовичского района Матвея Горбовицкого, переселенца из Белоруссии. Умер в сталинских лагерях председатель коммуны «Икор»

Иосиф Форер. В Ленинском районе был осужден «за отсутствие болрьбы с прогульщиками» председатель колхоза имени Куйбышева Абрам Кельман.

За пять предвоенных лет репрессиям подверглось более ста колхозных руководителей и свыше трехсот рядовых колхозников. Почти треть из них были еврейскими переселенцами.

Первые совхозы у нас в стране появились еще во времена Ленина. В апреле 1917 года вождь революции, выступая с известными тезисами, предложил на базе крупных помещичьих имений создавать государственные сельскохозяйственные предприятия. Чуть позже их стали называть совхозами – советскими хозяйствами.

На Дальнем Востоке помещиков, как известно, отродясь не бывало, поэтому совхозы приходилось создавать буквально с нуля. В нашей области до войны было два совхоза – масло-молочный Амуро-Бирский близ села Надеждинского и зерносовхоз «Биробиджанский», центральная усадьба которого находилась в селе Сталинске.

Судьба этих совхозов была печальной. Амуро-Бирский просуществовал всего шесть лет и был ликвидирован «в связи с массовым падежом скота из-за бескормицы». Совхоз в Сталинске дожил до послевоенных лет, пока сам поселок, построенный на берегу Амура, не смыло мощным наводнением.

В середине пятидесятых совхозы стали создавать на месте колхозов или вместо колхозов. Цель у руководства страны была одна – полностью взять сельское хозяйство под контроль государства.

Первой эта цель была достигнута на Дальнем Востоке – к началу восьмидесятых годов колхозов на восточной окраине страны практически не осталось. В ЕАО на почти сорок совхозов существовало всего два колхоза – «Заветы Ильича» и «Трудовая нива».

Председатели-герои

Думаю, главная причина, по которой этим двум колхозам разрешили сохраниться как коллективным хозяйствам – их председатели. «Заветы Ильича» многие годы возглавлял человек-легенда, полный кавалер ордена Славы, Герой Социалистического Труда **Владимир Израилевич Пеллер**. Председателем «Трудовой нивы» тоже был Герой Социалистического Труда, избранный в 1966 году депутатом Верховного Совета СССР, **Федор Григорьевич Ватутин**.

«Заветы Ильича» – бывший колхоз «Валдгейм» – объединил под своим крылом колхозы трех ближних сел. Всего там работало около трех тысяч человек. Если директора совхоза назначали и увольняли по приказам сверху, то судьбу председателя колхоза решали сами колхозники. У Владимира Пеллера было немало стычек с руководством области и края, в которых ему приходилось отстаивать свою правоту, но при этом он оставался на председательском месте вплоть до своего ухода из жизни.

При Пеллере колхоз был награжден довольно высокой государственной наградой тех лет – орденом Трудового Красного Знамени. А после смерти Владимира Израилевича Валдгейм еще не один год оставался визитной карточкой сельского хозяйства ЕАО.

Колхоз «Трудовая нива» в селе Новом славился своими животноводами, овощеводами и картофелеводами. Много было здесь крепких усадеб, зажиточных хозяев. Председатель Федор Ватутин стремился к тому, чтобы колхозники повышали свой культурный уровень. Сам показывал в этом пример.

– Я не раз бывал в этом колхозе, когда работал в газете. Поражала большая эрудированность председателя и то, что он не позволял небрежности даже в одежде. Не признавал ни телогреек, ни кирзовых сапог. Колхозники его очень уважали, он всех знал по именам, кто как живет, в чем нуждается, – вспоминает старейший журналист области Федор Фетисов.

Не стало обоих колхозов в девяностые годы. В Валдгейме создали акционерное общество «Родина», в Новом – товарищество с прежним колхозным названием. Оба хозяйства в рыночном море не выжили.

Прощай, трудодень! Здравствуй, зарплата!

Переход из колхозов в совхозы проходил поэтапно. Вначале под раздачу попадали колхозы-должники, которые не могли вернуть взятые у государства кредиты. Потом – те хозяйства, где задолжали своим колхозникам, то есть, как горько шутили в то время, за трудодни начисляли палочки.

Уговаривать колхозников стать совхозными рабочими в таких случаях не приходилось. Ну разве можно было отказаться от возможности получать вместо палочек гарантированную заработную плату, иметь нормированный рабочий день, оплачиваемые отпуска и государственное пенсионное обеспечение!?

Проводилось общее собрание, все или почти все голосовали за совхоз, составлялась опись имущества, проводилась ревизия хозяйства – и все, колхозная собственность становилась государственной со всеми вытекающими.

Если колхозов в области насчитывалось около семидесяти, то совхозов после реорганизации стало вдвое меньше. Так, созданный в селе Екатерино-Никольском Пограничный совхоз поглотил пять колхозов – три в своем селе и два в Столбовом и Союзном. Передовой колхоз в Даниловке и отстающий в селе Ключевом стали отделениями Волочаевского совхоза, центральная усадьба которого находилась в селе Камышовка. Почему совхоз назвали Волочаевским, остается только гадать – две соседних Волочаевки – поселок и село касались к нему разве что границами территорий.

Чаще всего название совхозу давали по названию села, ставшего центральной усадьбой. В Дежнево был Дежневский совхоз, в Венцелево – Венцелевский, в Биджане – Биджанский, Самаре – Самарский, Пашково – Пашковский, Радде – Раддевский, Бабстово – Бабстовский и т.д. Но были и исключения. Совхоз в селе Песчаном назвали по имени района – Смидовичским, в Бирофельде – по названию реки Бобрехи – Бобрехинским, а совхоз в селе Степном стал почему-то Добринским, хотя село Доброе находилось совсем в другом районе и совхоз там назывался Раздольным.

В селе Дубовом был Надеждинский совхоз, а в селе Надеждинском – Головинский. Петровка была скромным отделением совхоза, чья центральная усадьба находилась в Найфельде, но именно это село дало совхозу название – Петровский. В Амурзете мог быть Амурзетский совхоз, но был Амурский, в Двуречье – Двуреченский, а не Известковый – тезка поселка, который отношения к совхозу не имел.

В семидесятые годы совхозы стали разукрупнять. От Пограничного отпочковался Столбовской совхоз, от Амурского – Пузиновский, от Волочаевского – Ключевской, от Дежневского – Кировский. На пользу отделившимся это не пошло, почти все время они числились в отстающих.

Передовикам – кредиты, отстающим – дотации

В советские годы совхозы активно поддерживало государство. Передовикам выдавались льготные кредиты, отстающих поддерживали дотациями, списывали им многочисленные долги. Порой дотации были такими большими, что доярка отстающего совхоза получала вдвое большую зарплату, чем доярка передового хозяйства, хотя молока надаивала в два раза меньше.

Чтобы стимулировать рабочих совхозов на высокопроизводительный труд, стали вместо поденщины вводить КТУ – коэффициент трудового участия и внедрять бригадный подряд. Все эти новшества спускались сверху как рекомендации, но служили приказами к исполнению. В восьмидесятые годы появились КИТы – коллективы интенсивного труда. Чтобы КИТы не подводили и работали по-настоящему интенсивно, им создавались особые условия – выделяли новую технику, обеспечивали сортовыми семенами, не ограничивали в удобрениях и средствах защиты растений. Но и людей в такие коллективы подбирали более ответственных, надежных.

Если колхозы выращивали всего понемногу, то у совхозов была строгая специализация. Пограничный и Надеждинский занимались картофелем и молочным животноводством, Петровский и Смидовичский – овощеводством, Бобринский – выращиванием зерна и сои, Бирушкинский и Горненский – свиноводством. В восьмидесятые годы Головинскому и Столбовскому совхозам вменили выращивание нетелей для пополнения дойного стада других совхозов. В селе Надеждинском для этого был построен огромный комплекс – настоящий животноводческий городок.

Картофель и овощи выращивали с помощью шефов – работников биробиджанских предприятий и учреждений, студентов и школьников. Помогали совхозам хабаровчане и комсомольчане – и не только в уборке урожая, но и в строительстве новых домов в селах.

Были хорошими директорами

Хотелось бы вспомнить руководителей совхозов, которые оставили о себе добрую память.

Прежде всего – директора Петровского совхоза **Петра Клименкова**, кавалера ордена Ленина. При нем совхоз отличался и хорошими производственными показателями, и высоким уровнем жизни работников хозяйства. Больше двадцати лет рулил передовым Надеждинским совхозом **Петр Кочмар**, кавалер ордена «Знак Почета». Последним директором Дежневского совхоза был **Николай Ванькин**, а до него – **Лев Мазлин**. При них совхоз был одним из лучших в Хабаровском крае. В передовиках ходили Амурский и Пограничный совхозы в Октябрьском районе, которыми руководили **Павел Хитрон** и **Виктор Пименов**. Павел Хитрон в конце восьмидесятых избирался депутатом Верховного Совета СССР. Директор Волочаевского совхоза **Николай Кологоров** стал потом министром сельского хозяйства Хабаровского края, а директор Октябрьского совхоза **Анатолий Шерemet** – начальником управления сельского хозяйства ЕАО. Добрую память у земляков оставила директор Смидовичского совхоза **Лидия Мацыкова** – единственная в те годы женщина среди совхозных руководителей.

В перестроечные годы в селе Чурки попытались создать комсомольско-молодежный совхоз, дали ему имя последнего партийного съезда. Возглавил его молодой энергичный директор **Сергей Горбасенко**. Первые ЭВМ – электронно-вычислительные машины появились именно там. Было построено много новых домов для желающих переехать в село. Но вскоре грянули другие времена и совхозы стали историей области.